

DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9

УДК 316.4 | ББК 60.52

© Гужавина Т.А.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ¹

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Статья посвящена исследованию структурных характеристик социального капитала населения сельских территорий. Сельские территории, продолжая оставаться источником материальных и человеческих ресурсов, испытывают значительное влияние со стороны кризисных экономических процессов. Факты современной жизни свидетельствуют о разрушении традиционных ценностей и уклада жизни селян. Это ведет к ослаблению социального капитала жителей сельских территорий и снижает возможности для реализации их человеческого потенциала, не способствует самоорганизации населения. Объектом исследования стало население области, проживающее в границах сельских территорий, предметом – накопленный им социальный капитал. Методологической основой изучения состояния социального капитала сельских территорий стала концепция, основы которой были заложены Бурдье, Коулманом, Фукуямой. Эмпирической базой работы стали результаты исследования, проведенного специалистами Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» на территории Вологодской области, посвященного региональному социальному капиталу. В качестве индикаторов для анализа когнитивной и структурной составляющих социального капитала использовались доверие, включенность в сетевое взаимодействие. Гражданская активность и локус ответственности послужили индикаторами внешних экстерналий. Анализ базового компонента

Цитата: Гужавина Т.А. Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 136–152. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9

Citation: Guzhavina T.A. Social capital of the rural population: assessment of condition. *Problems of territory's development*, 2018, no. 4 (96), pp. 136–152. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.9

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» грант № 16-03-00188/16.

социального капитала (доверия) позволил произвести группировку респондентов относительно выявленного уровня. Большая часть сельского населения имеет узкий радиус доверия, ограниченный доступ к ресурсам и обладает минимальным социальным капиталом. Отмечены более высокая общественная активность респондентов с широким радиусом доверия, их включенность в деятельность различных организаций. Они имеют более устойчивые статусные позиции. Именно эта группа может стать опорой для реализации инициатив, выдвигаемых как самим населением, так и органами местного самоуправления.

Социальный капитал, доверие, открытый капитал, закрытый капитал, сельские территории, социальные ресурсы, конвертация форм капитала, солидарность, самоорганизация.

Введение

Статус российского села в истории нашей страны таков, что оно в течение веков было и продолжает оставаться источником ресурсов для нашего государства, обеспечивая его продовольственную безопасность [1], снижая тем самым уязвимость страны в отношении влияния внешних сил. Долгое время село рассматривали как среду, где сохраняются традиционный уклад жизни и хозяйствования населения, отношения крестьянской солидарности и коллективизма [2]. Однако факты свидетельствуют о том, что многие традиции сельского образа жизни утрачены, а им на смену приходят индивидуализированность быта, массовая культура с ее утилитарными ценностями, усиление прагматизма в отношении взаимопомощи и взаимной поддержки, снижение уровня доверия. Меняется и социальный состав сельских поселений, что ведет к изменению характера отношений и контактов между селянами [3]. Исчезновение традиционного крестьянского уклада жизни влечет за собой и исчезновение его носителей на селе. Во многом это связано с трансформацией общественного сознания как населения страны в целом, так и ее сельских жителей. Как отмечает А. Крисанов: «Национальное самосознание современной России почти не связано с пониманием и признанием ее совсем недавней «крестьянственности» [4, с. 47].

Под воздействием рыночных трансформаций на селе получили распространение серьезные негативные процессы, к числу которых относят деиндустриализацию, деинтеллектуализацию трудового потенциала и ряд других негативных тенденций [5, с. 171].

Деградация производственного потенциала сопровождается потерями трудовых ресурсов, углублением дифференциации в уровне развития аграрного сектора и других секторов в регионах, между сельскими территориями центра и периферии; возникновением управленческих проблем, что выражается в разрыве горизонтальных и вертикальных связей в АПК; диспаритетом в межотраслевом обмене сельского хозяйства с другими отраслями экономики. Обнищание селян – еще одно существенное негативное последствие.

В целом же происходящие перемены ведут к увеличению социальных рисков и конфликтности, усилению у сельских жителей настроений отчуждения и нестабильности, ощущению ограничения возможностей реализации своего потенциала. В совокупности эти и другие факторы превращают село в сегмент общества риска и ведут к истощению социальных ресурсов сельского сообщества, что во многом проявляет себя в ослаблении его социального капитала. Ученые ставят вопрос о необходимости возрождения социального капитала, поскольку в определенные периоды жизни села именно социальный капитал обеспечивал выживание и развитие сельского социума [6; 7; 8; 9].

Теоретические основания исследования

Зародившись благодаря изысканиям П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма [10–13], исследование социального капитала получило распространение и в отечественной науке в работах Л. Беляевой, Р. Меняшева, Л. Полищука, В.В. Радаева и др. [14–17].

Концептуально устоявшимися на сегодняшний день являются многие аспекты дан-

ной теории. Основанием ее можно считать идею о том, что сущность социального капитала составляют связи и отношения, базирующиеся на доверии и нормах взаимодействия. Иными словами, социальный капитал имеет общественную природу.

Социальный капитал предстает в двух своих основных характеристиках: как ресурс он обеспечивает внешние позитивные эффекты в виде помощи и поддержки, признания, включения в статусную группу, получения необходимой информации, как актив социальный капитал создается за счет вложений. Инвестициями служат время, затраченное на визиты и общение, на поддержание контактов в сетях отношений, материальные ресурсы, затраченные на подарки и взносы в фонды ассоциаций, на благотворительность, на получение информации и т. п. Социальный капитал создается и воспроизводится только в ходе его активного использования. Рассматривая социальный капитал как одну из форм капитала наряду с материальным и человеческим, П. Бурдьё сформулировал его принципиальные отличительные характеристики. К их числу он относит неосвязаемость и символичность, отсутствие права собственности, что превращает данную форму капитала в общественное благо [10]. В то же время понимание социального капитала П. Бурдьё носит инструментальный характер. Он сосредоточивает свое внимание на пользе, которую индивиды получают, принимая постоянное участие в деятельности групп с целью создания некоторого ресурса. Это дает возможность трактовать социальный капитал как внешние эффекты, возникающие за счет включенности в сети социальных отношений, формирующиеся на основе норм доверия и взаимности.

Социальный капитал имеет достаточно сложную структуру, для описания которой уместно выделить два его аспекта: когнитивный и структурный. Структурная составляющая показывает принадлежность индивидов к различным группам и организациям, иными словами, их включенность в сети. Когнитивный же аспект базируется на доверии к окружающим, на ощущении готовности

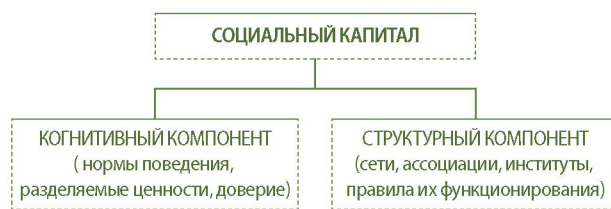

Рис. 1. Компоненты социального капитала

объединиться с другими людьми, на стремлении повлиять на ситуацию и ход событий, взять ответственность на себя.

В структуре социального капитала все его исследователи без исключения придают огромное значение доверию, считая его базовым компонентом, без наличия которого формирование и поддержание социального капитала невозможно. Доверие выступает основой, на которой строятся человеческие отношения. По мнению исследователей, доверие следует рассматривать как метаотношение, обобщающее другие отношения [18]. Роль доверия в формировании социального капитала рассматривается в работах [10; 19–21]. Как фактор экономического роста выделяет доверие Ф. Фукуяма. Основанием доверия, по его мнению, служит ожидание того, что другие члены сообщества будут вести себя более или менее предсказуемо, будут относиться к нуждам окружающих честно и со вниманием, в соответствии с некоторыми общими нормами [21]. Доверие предстает как культурная составляющая, оказывающая влияние на экономическую жизнь любого общества. Оно определяет прогресс, обеспечивает рост эффективности экономики за счет снижения издержек.

Углублением тематики социального капитала в зарубежной и отечественной науке стало его детальное изучение на региональном уровне, а также на уровне городских и сельских сообществ, отдельных групп [9; 14; 22–27].

При изучении социального капитала сельских сообществ исследователи уделяют внимание самым разным аспектам. Целый ряд исследований социального капитала сельских общин анализирует его влияние на самые разные аспекты жизни сообщества: практики микрофинансирования [28], совершен-

ствование деятельности малых предприятий [29], расширение экономических прав населения [30], использование современных форм коммуникации, прежде всего интернета [31], и т. д. Б. Реймер в своей работе «Сущность социального капитала: особенности и проявления в сельской местности Канады» связывает социальный капитал с типом социальных отношений [32]. Он акцентирует внимание на понимании социального капитала как динамичных социальных отношений. В свою очередь, это позволяет автору выделить специфику проявления социального капитала в зависимости от той сферы, в которой формируются и разворачиваются социальные отношения.

Интерес к изучению социального капитала жителей сельских территорий обозначил проблематику зарождающихся исследований в этой области у отечественных ученых. Важным аспектом является возможность исследования ситуации, свойственной российским социально-экономическим и социально-политическим условиям. Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей анализируются в работах Г.В. Бражника, В.П. Бабинцева, Н.В. Шевченко. По их мнению, «социальный капитал сельских жителей формируется как отражение возможностей, возникающих в результате межличностного и межгруппового взаимодействия» [7, с. 50]. Они отмечают сложности его объективной оценки, связанные с противоречивостью человеческого сознания и поведения. В качестве ограничений для возрождения и поддержки социального капитала сельских сообществ выступают: снижение потребности самих жителей села в социальном капитале, разрушение человеческого капитала селян, дискредитация базовых ценностей и ориентация на более примитивные потребности, изменение традиционных моделей поведения на селе и ряд других факторов [5]. Вопросы конвертации социального капитала сельской семьи на примере конкретного региона рассматривает Г. Зинатуллина [33]. Т.П. Кожинной затронута проблема доверия среди сельских женщин [9]. Тем не менее от-

метим, что изучению социального капитала сельских сообществ уделяется неоправданно мало внимания. Считать данную область достаточно разработанной не представляется возможным.

Методология исследования

Концепция социального капитала является дескриптивной по своей сущности. Интерес к ней связан с пришедшим в научную мысль пониманием того, что «отношения имеют значение». Признание факта ограниченности рациональности в поведении человека привело к усилению внимания к неэкономическим факторам [34]. Влияние неэкономических факторов выражено слабее, оно менее устойчиво, их действие неоднозначно. Мейнстрим современной экономической науки признает, что человек использует не только рациональные модели поведения, но и другие установки, осуществляет ценностный выбор.

Социальный капитал можно отнести к группе неэкономических факторов развития, оказывающих влияние на экономическую сферу. Для оценки состояния социального капитала сельского населения, проживающего на территории Вологодской области, были использованы результаты социологического исследования, проведенного специалистами Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», на территории Вологодской области в рамках исследования по гранту «Региональный социальный капитал в условиях кризиса». Общий объем выборки составляет 1500 человек. В структуре выборки население сельских территорий составляет 46%. Опрашиваются жители области старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский). Выборка целенаправленная, квотная. Способ отбора респондентов – многоступенчатый квотный отбор, квотируемые признаки – пол, возраст. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих усло-

вий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области.

Важным методологическим аспектом исследования является выделение населения сельских территорий. По сложившейся в последние десятилетия традиции к сельскими территориями относят территории, находящиеся за пределами городов и имеющие долю сельского населения свыше 50% [35]. Данная установка позволяет исследователям ВолНЦ РАН приравнять муниципальные районы, соответствующие названному параметру, к сельским территориям [36, с. 223]. В нашем исследовании мы придерживаемся данной классификации, считая ее обоснованной.

Вторая проблема касается методики оценки социального капитала. На сегодняшний день не существует более или менее устоявшейся методики его измерения ни в зарубежной, ни в отечественной науке. Исследователи анализируют различные индикаторы, характеризующие основные компоненты социального капитала – доверие, сети, взаимность в отношениях. Широко используются дополнительные показатели, характеризующие различные стороны жизни общества [36]. Предпринимаются попытки измерения социального капитала в зависимости от уровня его накопления [37]. Наибольшее распространение получили измерения социального капитала на микро- и макроуровнях [38; 39]. Однако аналитический обзор существующих подходов и методик измерения социального капитала выходит за рамки данной публикации. Отметим, что подходы к его измерению в значительной степени зависят от области исследований.

Для дальнейшего изучения социального капитала мы интерпретируем его как, во-первых, наличие сетей социальных отношений, основанных на доверии и обладающих общими нормами и ценностями, с учетом уровня вовлеченности в них людей, во-вторых, как внешние эффекты и результаты, генерируемые социальным взаимодей-

ствием в рамках этих сетей и полезные для общества, социальных групп (в нашем контексте – для жителей сельских территорий).

Оценку состояния социального капитала населения сельских территорий целесообразно производить на основании выявленных структурных составляющих. В связи с этим в качестве индикатора измерения когнитивной составляющей анализируется доверие, в качестве измерения структурной основы социального капитала рассматриваются включенность в сетевое взаимодействие. В качестве экстерналий рассматриваются гражданское участие и локус ответственности индивидов.

В дальнейшем анализе мы основываемся на следующих тезисах:

- социальный капитал воплощен в социальных отношениях, возникающих в процессе взаимодействия субъектов;
- признание доверия в качестве базового элемента социального капитала и основы прочных социальных отношений, что способствует созданию общих ценностей и норм;
- включенность в сети отношений на определенном социальном уровне позволяет актору (индивиду или сообществу) использовать ресурсы этой сети для достижения своих целей, в частности решать экономические проблемы;
- социальный капитал способствует солидарному объединению индивидов в сплоченную группу, соответственно, способствуя тем самым социальной координации и социальному порядку, в этом заключены функциональные характеристики социального капитала;
- реализация социального капитала наблюдается через определение индивидом своей зоны ответственности за состояние дел в месте проживания.

На основании сформулированных теоретических принципов и будут анализироваться эмпирические данные с целью получить представление о состоянии социального капитала сельского сообщества.

Анализ данных

Диагностика состояния социального капитала региона или любого другого территори-

ального сообщества позволяет понять, какими ресурсами располагает население, каков его резервный потенциал. Об исчерпаемости ресурсов сельских территорий говорит, прежде всего, высокий уровень экономических рисков, связанных с жизнью в сельской местности. Возможность оказаться в категории бедных значительно выше в сельской местности, чем в городской (рис. 2). Значение индекса риска бедности выше 1 показывает, во сколько раз риск бедности для населения, сгруппированного по месту проживания, превышает риск бедности для населения в целом. Значение индекса риска бедности ниже 1 свидетельствует о более низком риске бедности, чем риск бедности для населения в целом [40, с. 121]. Кроме того, чем меньше численность жителей населенного пункта, тем выше риск.

Ограниченность ресурсов, которыми располагают селяне, является результатом ряда факторов: в сельской местности ниже оплата труда [41, с. 115], больше тех, кто получает минимальную оплату за свой труд [41, с. 112], меньше квалифицированных рабочих мест. Практически отсутствует возможность сменить работу, не меняя место жительства. Сельский житель прикреплен к своей терри-

тории проживания. В результате социально-экономическое неравенство выражено среди селян ярче.

Среди жителей сельских территорий Вологодской области в сравнении с жителями городов больше тех, кому не хватает средств на самое необходимое, и несколько меньше тех, кто не имеет материальных проблем. Выражением данного положения дел является самооценка жителями своего материального положения (табл. 1).

При дефиците материальных ресурсов, получаемых извне в виде зарплаты, пенсий, пособий, возрастает значение таких источников, как помощь со стороны членов семьи, других родственников, друзей. Именно эти три группы выделяют в своем окружении жители сельских территорий при ответе на вопрос «К кому Вы сможете обратиться при возникновении проблемной жизненной ситуации?». Более 90% респондентов выбирают членов семьи, востребованность других родственников и друзей ниже и составляет около 55%. К соседям обратятся менее 5% респондентов, столько же пойдут за поддержкой к своему руководителю. В данном случае мы можем утверждать, что сетевые ресурсы

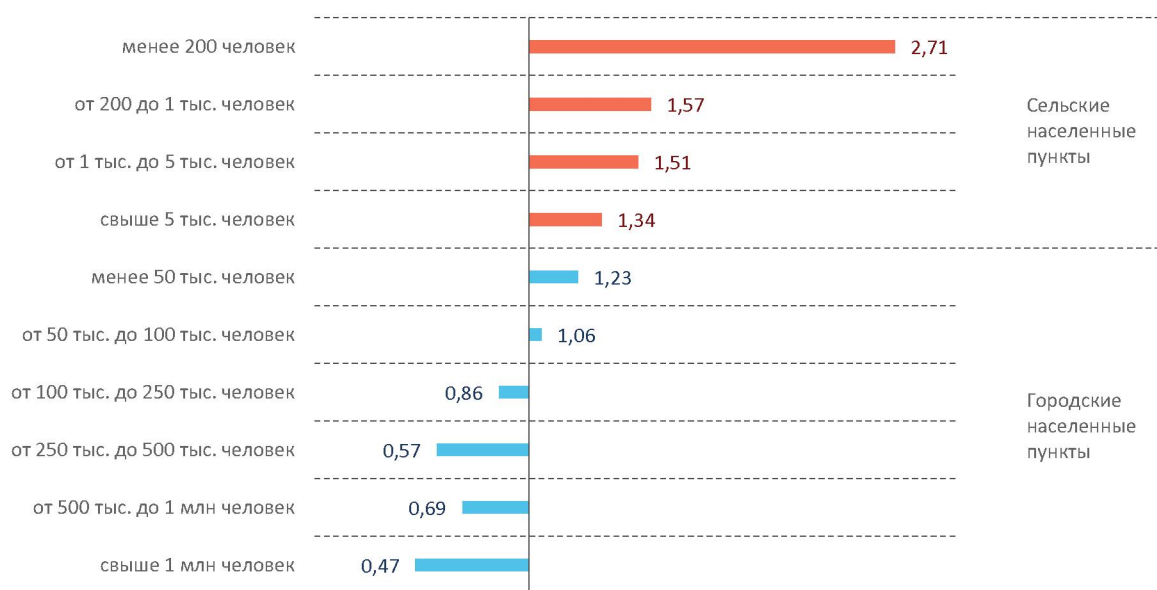

Рис. 2. Индекс риска бедности по населенным пунктам с различной численностью населения в 2016 году (по материалам выборочного обследования бюджета домашних хозяйств)

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 121.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «К какой группе Вы бы отнесли себя и Вашу семью?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Сельские территории
Живем в достатке	2,0	1,7	1,3
Особых денежных проблем нет	21,0	15,6	14,7
На повседневные нужды денег хватает	45,0	49,4	42,1
Денег хватает только на самое необходимое	28,6	29,1	31,7
Денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое	3,3	4,2	10,1

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

у сельского населения находятся в основном в семейном окружении, что делает их ограниченными, соответственно, ограничены и возможности конвертации социальной формы капитала в экономическую. Данная ситуация имеет место не только на территории Вологодской области [33].

Ограничение сетевых контактов семейными структурами специалисты оценивают как проявление не столько социального, сколько биосоциального начала в социальных отношениях. В частности на это указывает в своей работе «Социокультурные коды в экономической жизни» А. Аузан [42]. Речь идет о таком типе отношений, которые не требуют значительных усилий и формируются априори. Эти отношения являются базовыми для формирования межличностного доверия, служащего для формирования всех иных его форм. Анализ данного типа доверия дает возможность оценить характер сформировавшихся отношений, определить радиус (Ф. Фукуяма) [21], что позволяет выявить наиболее устойчивые связи индивида в его окружении. Тем самым приходит понимание среды формирования онтологической безопасности, которая содержит в себе представления о постоянстве социального окружения, защищает от состояния неопределенности и страха [43, с. 25]. Включенность на основе доверия в то или иное сетевое взаимодействие позволяет оценить существующий в сообществе интеграционный потенциал.

Сложившиеся экономические условия оказывают влияние на социальное самочувствие населения сельских территорий и на характер социальных настроений, формирующихся в их среде (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Сельские территории	Область в целом
Эмоциональный подъем, бодрость	3,3	9,4
Обычное, ровное	65,9	62,5
Тревожность, раздражение	18,4	18,1
Безразличие, апатия	5,8	5,0
Затрудняюсь ответить	6,7	5,0

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Индикатором измерения межличностного доверия являются ответы респондентов на вопрос «Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?». На основе полученных данных были выделены основные группы респондентов, которые могут быть условно обозначены как «недоверяющие», «доверяющие избирательно» и «доверяющие»² (табл. 3).

«Недоверяющие» представляют собой группу респондентов, выбравших альтернативу «никому нельзя доверять». Это те, кто ориентирован на очень ограниченный круг контактов. Их доля в общей выборке составила порядка 26%. Данный показатель несколько выше, чем общеобластной результат, что говорит о более высоком уровне недоверия окружающим в среде сельских жителей. Своему окружению, в том числе и самому близкому, не готов доверять практически каждый четвертый. Радиус доверия этой группы определяется как малый. В терминах П. Штомпки в этой категории респондентов преобладает «залог» негативного плана [44].

² Данные, полученные отдельно по группе респондентов, выбравших альтернативу «доверять можно всем без исключения», оказались статистически не значимы, что позволило нам их объединить.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?», % от числа ответивших жителей сельских территорий

Вариант ответа	Сельские территории	Область в целом
Никому нельзя доверять	25,7	21,6
Только самым близким друзьям и родственникам	60,5	56,6
Большинству знакомых людей можно доверять, доверять можно всем людям без исключения	13,8	21,8

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Иными словами, присутствует фактор ожидания негативных действий со стороны контрагентов взаимодействия, что формирует настрой на оборонительную реакцию. Однако представители этой группы, несмотря на заявленное отношение к своему окружению, в реальной практике готовы доверять самым различным агентам, к числу которых можно отнести врачей, учителей, полицейских, продавцов и т. д. Представители данных профессиональных групп чаще всего не являются родными или друзьями, однако благодаря им поддерживается связь с важными институциональными структурами. Поэтому в данном случае можно скорее говорить не столько о недоверии, сколько об отсутствии доверия как о нейтральной позиции по отношению к незнакомым людям. Кроме того, здесь проявляют себя индивидуалистические настроения, ориентация на собственные силы и возможности.

Группу «доверяющие избирательно» составляют вологжане, выбравшие альтернативу «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам». В структуре респондентов они составляют большинство – 60%. Здесь также наблюдается некоторое превышение над общеобластным показателем. Радиус доверия этой группы определяется как ограниченный. Несмотря на то что круг людей, которые находятся с респондентами в доверительных отношениях, шире, чем в первом случае, их контакты сосредоточены прежде всего на хорошо знакомых людях, с которыми установлены преимущественно личные отношения. Основная проблема данной группы заключается в стремлении сохранить связи, прежде всего на уровне семейных отношений, то есть именно те связи, которые не требуют усилий и затрат на свое

поддержание и сохранение. Отказ от доверия, его «свертывание» фактически означает ограничение инвестиций в свои социальные ресурсы. Кроме того, здесь в большей степени представлены индивидуалистические настроения, а также ориентация на собственные силы и возможности. Имеет место и отказ от социально активной позиции, которая всегда требует широкого взаимодействия с окружающими. Среди представителей названных групп доля участвующих в деятельности каких-либо организаций составляет 20 и 25% соответственно. Основная масса респондентов занимает крайне пассивную позицию, не участвуя нигде и ни в чем.

Третья группа – «доверяющие» – включает в себя тех, кто открыт общению, чья позиция выражена альтернативами «большинству знакомых людей можно доверять» и «доверять можно всем без исключения». Состав группы – около 13%, радиус доверия этой группы обозначен как расширенный. Эта группа открыта взаимодействию и склонна к проявлениям гражданской активности, именно ее представители включены в деятельность различных организаций и могут рассматриваться как активисты гражданского общества. Через доверие осуществляется взаимодействие не только с близким окружением, но и с властными и общественными структурами, вовлечение в формальные и неформальные практики, тем самым проявляется гражданская активность для реализации и защиты своих прав. Доверяющие проявляют значительно большую активность в общественной жизни (табл. 4).

Требует оговорки сам факт участия. Активность населения в целом очень низка. Около 80% нигде не состоят и ни в чем не участвуют. На этом фоне позиция группы «дове-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Входите ли Вы в состав каких-либо официальных общественных организаций?» (приведено распределение только положительных ответов), % от числа опрошенных жителей сельской местности

Вариант ответа	Недоверяющие	Доверяющие избирательно	Доверяющие
Профессиональные и предпринимательские	1,1	2,1	2,1
Ветеранские	3,9	2,6	3,1
Молодежные, студенческие	0,0	1,9	3,1
Творческие	0,0	0,9	4,1
Историко-культурные	0,0	0,7	3,1
Общественно-политические объединения	0,6	0,7	2,1
Общественные организации в сфере ЖКХ	0,0	0,7	1,0
Родительские	4,4	6,8	12,4
Профсоюзы	2,8	7,0	8,2

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

ряющие» более выигрышна. 34% представителей названной группы состоят в различных формальных общественных организациях.

В значительной степени показателем для сравнительной оценки выделенных групп рассчитанный индекс доверия³, который не просто характеризует сформировавшийся его уровень среди респондентов, выбравших различные альтернативы для выражения своей позиции (рис. 3), а позволяет увидеть значимые различия в позициях.

Рассчитанный индекс однозначно указывает на более высокое доверие родственникам, что служит явным подтверждением значимости для вологжан семьи и семейных отношений. Доверие членам семьи является безусловным, поскольку основано на близком и постоянном взаимодействии, на кровно-родственных отношениях, являющихся примордиальными. Относительно других категорий в окружении респондентов значения индекса становятся более разнообразными. В группе «недоверяющие» положительный значимый (от 0,5) для анализа индекс доверия присутствует по отношению к членам семьи,

родственникам и друзьям. Но уже при выборе альтернативы «друзья» индекс обнаруживает значительное снижение, достигая на «соседях» негативного значения и резко понижаясь на остальных альтернативах. Большая же часть индекса находится в зоне отрицательных значений. В группе «доверяющие избирательно» готовность взаимодействовать на основе доверия за пределами своей семьи с другими родственниками и друзьями также показывает сильную тенденцию к снижению. Положительные значения индекса имеют «коллеги» и «руководитель» организации, где работают респонденты. Начиная с альтернатив «соседи» и «знакомые» индекс приобретает минимальные значения. По-видимому, связи и контакты с коллегами и руководством имеют большее значение и являются для респондентов более продуктивными, чем связи с соседями. Актуальность взаимодействия с представителями других групп снижается.

Риски доверия у этих двух групп выше, а это означает, что их представители предполагают, что контрагенты скорее не выполнят свои обязательства, чем выполнят. Такой негативный залог формирует оппортунистическое поведение, готовность к ответным, а порой и упреждающим негативным действиям в адрес контрагента взаимодействия. Подобная установка не способствует укреплению межличностного доверия. Факторами, ее порождающими, могут быть как собственно социализация, так и личный негативный опыт. Но это могут быть и условия, созданные социально-экономическим кризисом, переживаемым

³ Индекс доверия рассчитывается как разница взвешенных положительных и отрицательных альтернатив. Пределы колебаний индекса от -2 до 2, где «2» соответствует альтернативе «да» (доверяю), «1» – «скорее да, чем нет», «-1» – «скорее нет, чем да», «-2» – «нет». Положительное значение свидетельствует о преобладании доверия к..., отрицательное – о недоверии. Значимым считается значение больше 0,5, и меньше -0,5. На графике приведены результаты ответов (в пересчете на средневзвешенные) на вопрос «Кому Вы можете доверять?» в сопряжении с вопросом «Насколько Вы доверяете или не доверяете...».

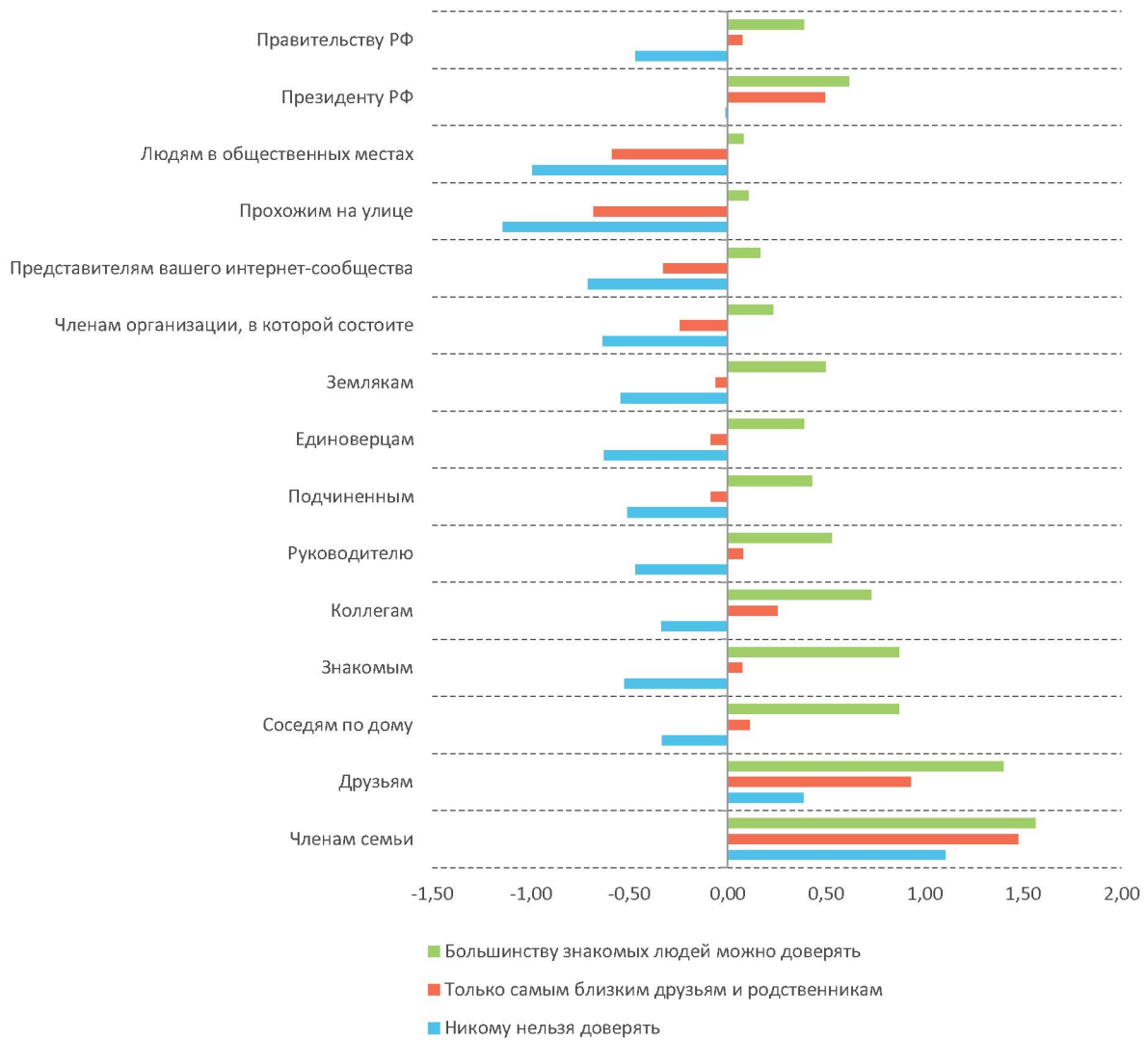

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете или не доверяете...» (графики построены на основе значений индекса доверия; среди респондентов – представителей выделенных трех групп)

мым российским обществом, ориентирующим актора на выживание, и провоцирующие определенный вид поведения. В этом случае недоверие укореняется в общественном мнении, которое начинает его культивировать. Основной негативный результат распространения недоверия состоит в том, что люди, не веря никому, снимают таким образом с себя обязательства по соблюдению норм, правил, начинают явно или неявно уклоняться от выполнения своих обязанностей: гражданских, профессиональных или семейных.

Обращают на себя внимание также негативные значения индекса доверия в отношении земляков и единоверцев. И соседи, и

земляки, и единоверцы представляют собой группы, формирующиеся на основе территориального единства и поселенческой близости, играет свою роль и наличие общих ценностей. Особенно это касается религиозных сообществ. Низкий уровень доверия представителям этих категорий у большей части респондентов, входящих в группы «недоверяющие» и «доверяющие избирательно», может рассматриваться как показатель социальной напряженности в сельском сообществе.

Наибольшие позитивные значения индекса доверия показывает в группе «доверяющих». Своей позицией они обеспечивают себе расширенные контакты. Доверие, которое

они оказывают окружающим, охватывает не только его первичные адресаты, к числу которых можно отнести родных, близких и друзей. Доверие этой группы имеет более широкие горизонты. Многие из окружения, которому доверяют жители сельской местности, это работники соседних предприятий, сотрудники различных учреждений. Среди них много тех, кого жители сельских территорий не знают непосредственно, но знают в лицо либо с кем общаются крайне редко. Ряд категорий, которым выказано доверие, может означать так называемых отсутствующих других [44, с. 117]. Ими могут быть единовверцы, земляки, члены одной сети и т. д. Как утверждает П. Штомпка, это те, с кем мы не сталкиваемся непосредственно, «...наше представление соединяет их в реальные сообщества... В этом случае доверие конкретным лицам незаметно переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам» [44, с. 117]. В качестве таковых выступают исповедующие одну религию, принадлежащие к одному этносу или поколению и т. п. Данные общности, выделяемые по какой-то одной черте, чаще всего выделяются на основании распространенных в социуме стереотипов. Эти категории являются промежуточными между межличностным и институциональным доверием.

Полученные в ходе исследования данные позволяют произвести сравнительный анализ выделенных групп и по таким значимым параметрам, как образование и материальная самоидентификация (табл. 5, 6).

Значение образования для формирования социального капитала можно оценить как высокое. От уровня образования во многом зависит, на какие перспективы рассчитывает человек, как ориентирован на свои будущие достижения. В ходе получения образования формируется собственно сам запас социального капитала, состоящий из связей и отношений. По версии Липсета [45], образование повышает доверие к незнакомым людям, снижает уровень насилия в обществе. Исследователи считают, что образование в значительной мере способствует созданию социальных навыков, коммуникации, учит взаимодействию.

Наблюдается и определенная связь между доверием и уровнем самоидентификации. Уровень самооценки материального положения у «недоверяющих» ниже, чем у относящихся к группам «доверяющие ограниченно» и «доверяющие». Доля недоверяющих значительно выше в группах тех, кто оценивает свое материальное положение как низкое. Тревожит и тот факт, что их меньше и в группе населения, которая обеспечивает свои повседневные нужды.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какое у вас образование» в зависимости от уровня доверия, % от числа опрошенных жителей сельских территорий

Вариант ответа	Недоверяющие	Доверяющие избирательно	Большинству знакомых людей можно доверять
Неполное среднее	12,2	6,6	3,5
Окончил среднюю школу	27,6	26,5	30,0
Окончил колледж, техникум, училище	50,8	51,0	63,7
Окончил вуз	8,8	14,6	20,9

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «К какой группе Вы бы отнесли себя и Вашу семью?» в зависимости от уровня доверия, % от числа опрошенных жителей сельских территорий

Вариант ответа	Недоверяющие	Доверяющие избирательно	Доверяющие
Живем в достатке	2,2	0,7	3,6
Особых денежных проблем нет	11,6	16,0	14,0
На повседневные нужды денег хватает	28,7	45,5	54,7
Денег хватает только на самое необходимое	37,0	30,8	24,4
Денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое	19,9	7,0	7,0

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 год.

Институциональное доверие – это доверие абстрактным структурам [46]. В качестве таких структур выступают организации и учреждения, функционирующие на основе определенных правил и в границах этих правил. Здесь мы имеем дело с «публичным доверием», о котором П. Штомпка говорит как об ожиданиях, обращенных к особам публичной жизни, институциям, организациям, режимам, с которыми мы имеем только опосредованные контакты [44, с. 183]. Ими выступают президент, правительство, парламент, губернатор, суд, армия и т. д. (табл. 7).

Институциональное доверие среди сельских жителей несколько ниже, чем в целом по области или среди жителей городов. И если низкое институциональное доверие структурам, о которых люди получают информацию из СМИ, вполне можно объяснить их отда-

ленностью друг от друга, то причины низкого уровня доверия органам местного самоуправления имеют иную природу. Она кроется в условиях жизни, в низком достатке, в нерешенности многих важных проблем сельской жизни. При этом местная администрация порой просто лишена ресурсов, в связи с чем невозможность преодоления местных проблем становится еще одним условием формирования апатии населения.

Низкий уровень институционального доверия влечет за собой и низкий уровень включенности населения в деятельность различных общественных структур. В деятельности профсоюзов принимают участие лишь 4% респондентов, в ветеранских организациях – 3%, в молодежных – 3%. Наиболее популярны родительские организации, которые созданы и действуют при школах и детских садах.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете..?», % от числа опрошенных жителей сельских территорий

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Сельские территории	Область
Президенту РФ				
Полностью / скорее доверяю	59,1	67,5	60,8	62,2
Скорее / полностью не доверяю	32,5	25,3	23,4	26,6
Затрудняюсь ответить	8,4	7,2	15,8	11,6
Правительству РФ				
Полностью / скорее доверяю	46,8	55,3	42,0	46,8
Скорее / полностью не доверяю	42,0	34,7	38,9	38,6
Затрудняюсь ответить	11,2	10,0	19,1	14,6
Совету Федерации				
Полностью / скорее доверяю	39,6	46,9	29,3	36,8
Скорее / полностью не доверяю	44,5	38,3	41,4	41,4
Затрудняюсь ответить	15,9	14,8	29,3	21,8
Государственной Думе РФ				
Полностью / скорее доверяю	36,5	42,5	26,0	33,2
Скорее / полностью не доверяю	49,1	45,4	43,5	45,5
Затрудняюсь ответить	14,4	12,1	30,5	21,3
Губернатору				
Полностью / скорее доверяю	29,9	47,4	36,7	37,8
Скорее / полностью не доверяю	58,3	44,2	41,5	46,6
Затрудняюсь ответить	11,8	8,4	21,8	15,6
Законодательному Собранию области				
Полностью/скорее доверяю	28,9	37,7	25,7	29,7
Скорее/полностью не доверяю	56,6	45,7	45,1	48,2
Затрудняюсь ответить	14,6	16,6	29,2	22,1
Главе местной администрации (мэру)				
Полностью/скорее доверяю	27,6	48,9	38,0	38,2
Скорее/полностью не доверяю	60,1	41,7	42,1	46,7
Затрудняюсь ответить	12,3	9,4	19,9	15,1

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, которые не видят необходимости объединяться с другими для совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К кому Вы больше отнесли бы себя – к первым или ко вторым?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Сельские территории	Область в целом
К тем, кто готов объединяться	61,6	64,5	62,4	62,8
К тем, кто не готов объединяться	38,4	35,5	37,6	37,2

Источник: данные опроса населения Вологодской области «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

В них состоят 11% респондентов. Достаточно много вовлеченных в деятельность организаций в сфере территориального, домового самоуправления (ТОС, ТСЖ и т. п.) – 5%. И в случае с родительскими комитетами, и в случае с территориальным общественным самоуправлением речь идет о самых насущных и жизненно важных вопросах, что подвигает селян к активному их решению. Общий интерес, общие задачи объединяют людей. А это способствует укреплению доверия, формированию социального капитала. Следует отметить, что потенциал населения относительно участия в общественно полезной деятельности реализуется в незначительной степени, несмотря на то что большая часть сельского населения заявляет о своей готовности к объединению с другими для совместных действий (табл. 8).

За всем этим стоит возможность мобилизации социально-инновационных сил общества. Большую роль, на наш взгляд, здесь могут сыграть те жители сельских территорий, которые ориентированы на доверие и соответственно на взаимодействие с другими людьми.

Еще одним резервом для роста социального капитала жителей сельских территорий является формирование у них понимания и стремления оказать влияние на положение дел. Преобладающая часть жителей области заявляет о своей неготовности брать на себя ответственность за состояние дел в самых разных сферах общественной жизни. В зоне ответственности семья и семейные отношения. Об этом говорят около 80% респондентов. Данное заявление вполне коррелируется с ориентацией на ближний круг контактов, на малый и ограниченный радиус доверия. Что же касается положения дел в других сферах, то степень влияния здесь падает. На ра-

боте пользуются влиянием около 37%, в доме, в микрорайоне – около 20%, в деревне, поселке – около 7%. Когда речь заходит об области или о стране, доля считающих возможным повлиять на что-то опускается до 1%. Данный факт говорит не только о низкой активности граждан, об отсутствии инициативы с их стороны, но и об отсутствии каналов влияния, приемлемых форм участия, поощрения этого участия со стороны власти, об отсутствии реальной заинтересованности с ее стороны в таком участии.

Обсуждение результатов

С теоретической точки зрения исследователи не выделяют каких-то специфических черт социального капитала в зависимости от исследуемой общности. Специфическими чертами являются условия его формирования, уровень накопления и конкретные формы проявления. Поэтому, говоря о социальном капитале населения сельских территорий, мы имеем в виду тот факт, что его формирование и реализация происходят в определенных социально-экономических условиях, имеющих свою специфику в границах сельских территорий. К их числу можно отнести сферы деятельности, отраслевую структуру занятости, более низкий уровень доходов основной части населения. Важным фактором, на наш взгляд, являются ограничения в возможности смены места работы без смены места жительства. Среди условий формирования социального капитала важное значение имеет факт наличия кризисных явлений, которые, как отмечалось выше, наиболее тяжело сказались на населении сельских территорий. Анализ состояния социального капитала территориального сообщества позволяет оценить ресурсы, которыми располагает население, его

резервный потенциал, необходимый для преодоления сложившейся ситуации. В первую очередь это касается мифа о высоком потенциале, ресурсах, имеющихся у населения, и о значительном запасе терпения. Фактически убеждаемся в том, что ресурсы населения ограничены и ориентированы в большинстве случаев на стратегию выживания, что отнюдь не способствует преодолению кризисной ситуации. Высоки риски бедности. Трудности экономического характера сказываются на самооценках настроения, статусном положении, порождают апатию и неготовность к каким-либо активным действиям. Социальные контакты ориентированы в основном на ближнее окружение, что ведет к усилению культуры недоверия. Низкий уровень включенности в общественные отношения не позволяет жителям сельской местности в полной мере использовать ресурсы своего сетевого окружения, в частности, для достижения своих целей, таких как карьерные достижения или решение экономических проблем. Низкий уровень доверия ведет к определенной деградации системы ценностей, что ослабляет социальные связи и отношения, не способствует солидарному объединению индивидов в сплоченную группу, а также социальной координации и социальному порядку, снижает уровень ответственности за состояние дел в месте проживания. Еще одним следствием низкого уровня доверия является ослабление институциональных структур, в особенности это касается местного самоуправления.

Исследование структурных компонентов социального капитала населения сельских территорий позволяет сделать вывод об их наличии. Однако и уровень доверия, и ресурсные возможности сетей весьма ограничены. В сово-

купности это ведет к слабым внешним проявлениям социального капитала в виде низкой гражданской активности и крайне ограниченного локуса ответственности. В целом можно сделать вывод о слабом социальном капитале, имеющемся в распоряжении населения рассматриваемых территорий, об ориентации населения на выживание, а не на развитие.

Несмотря на проблемную ситуацию с состоянием социального капитала в границах сельского территориального сообщества, анализ имеющихся эмпирических данных позволяет выделить и наличие возможных точек его накопления. Прежде всего это касается потенциала такой категории населения, как «доверяющие». Наряду с тем что она составляет меньшинство в структуре населения сельских территорий, эта группа демонстрирует более позитивные оценки по всем параметрам проведенного исследования. Ее представители в большей степени ориентированы на будущее и готовы инвестировать в социальный капитал за счет участия в деятельности различных структур как сетевого, так и несетевого характера. В итоге в этой среде формируется определенный запас социального капитала. Но проблема в том, что социальный капитал здесь формируется и функционирует в основном на микроуровне, в локальных сетях и не поднимается выше, о чем свидетельствуют низкий уровень институционального доверия, слабая гражданская активность.

Для преодоления последствий кризисных явлений можно и нужно опираться на социальный капитал территориальных сообществ. Но, как и другие формы капитала, он требует поддержки и прирастает в процессе своего активного использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чекавинский А.Н. Социальное развитие села как фактор устойчивости аграрного производства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 3 (11). С. 145–152.
2. Бражник Г.В., Шевченко Н.В. Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2014. № 9 (180). С. 60–65.
3. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
4. Крисанов А.А. Русская национальная идея и исторические судьбы русского крестьянства // Национальная идея в контексте российской ментальности. Орел, 2004. С. 46–55.
5. Иванов В.А. Влияние рыночных реформ на развитие аграрного сектора и самообеспечение продовольствием северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 170–186.
6. Бражник Г.В. Солидарность как основа социального капитала сельского социума: перспективы возрождения // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 2 (145). С. 57–62.
7. Бражник Г.В., Бабинцев В.П., Шевченко Н.В. Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2014. № 16 (187). С. 49–53.
8. Бражник Г.В., Шевченко Н.В. Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2014. № 9 (180). С. 60–65.
9. Кожина Т.П. Особенности социального доверия сельских женщин Вологодской области // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Череповец, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Т.А. Гужавина. Череповец: ЧГУ, 2012. С. 176–185.
10. Bourdieu P. *The forms of capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N. Y.: Greenwood Press, 1986.
11. Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
12. Putnam R., Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Economic Journal*, 1995, no. 21 (3), pp. 295–307.
13. Woolcock M. *Measuring Social Capital. An Integrated Questionnaire*. World Bank, Washington, D.C., 2003.
14. Беляева Л.А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 92–107.
15. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // НЛО. 2012. № 117. URL: [http://http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25.html](http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25.html) (дата обращения 20.11.2017).
16. Menyashev R., Polishchuk L. *Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? Working paper WP10/2011/01*. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 44 p.
17. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
18. Антоненко И.В. Интегративный потенциал доверия: метаотношение и функции // Вестник ГУУ. 2012. № 1. С. 104–108.
19. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 1988, vol. 94, pp. 95–120.
20. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press. N. Y.: Princeton, 1993.
21. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
22. Beugelsdijk J., van Schaik T. Differences in social capital between 54 Western European regions. *Regional Studies*, 2005, vol. 39, pp. 1053–1064.
23. Blume L. Patterns of social capital in West German regions. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 229–248.

24. Bowles S., Gintis H. Social Capital and Community Governance. *Economic Journal*, 2002, vol. 112 (483), pp. 419–436.
25. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110–125.
26. Гужавина Т.А. Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. 2016. № 1. С. 130–144.
27. Колпина Л.В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 138–150.
28. Akram S., Routray J.K. Investigating causal relationship between social capital and microfinance: Implications for rural development. *International Journal of Social Economics*, 2013, no. 40 (9), pp. 760–776.
29. Bułkowska M., Chmurzyńska K. State policy towards rural areas – targets and target implementation. *Proceedings of The International Scientific Conference: Rural Development*, 2011, no. 5 (1), pp. 84–91.
30. Binswange H.P. Empowering rural people for their own development. *Agricultural Economics*, 2007, no. 37, pp. 13–27.
31. Stern M.J., Adams A.E. Do rural residents really use the internet to build social capital? An empirical investigation. *American Behavioral Scientist*, 2010, no. 53 (9), pp. 1389–1422.
32. Reimer B. *Understanding Social Capital: Its Nature and Manifestations in Rural Canada*. Available at: <https://socionet.ru/publication.xml?h=репер:wpa:wuwpot:0511002>
33. Зинатуллина Г.Ф. Конвертация социального капитала сельской семьи региона // Регионология. 2015. № 1 (90). С. 134–142.
34. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 45–56.
35. *OECD Regional Typology. Directorate for Public Governance and Territorial Development*. 2011. Available at: http://www.oecd.org/gov/regionalpolicy/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf
36. Нилов В. Методы измерения социального капитала и их использование в научных исследованиях // Социальная инноватика в региональном развитии: сб. мат-лов Пятой школы молодых ученых. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 141–149.
37. Титов В.Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.
38. Glaeser Ed., Laibson D., Sacerdote B. The Economic Approach to Social Capital. *NBER Working Paper*, 2000, no. 7728.
39. Воронин Г.Л. К вопросу об измерении уровня реализации социального капитала (по результатам РМЭЗ): мат-лы III Всеросс. социолог. конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_vsk_2.html?section=71
40. Чекмарева Е.А., Панов М.М. Проблема оценки трудового потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 221–239.
41. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 311 с.
42. Азуан А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 173–176.
43. Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект-Пресс, 2011. 232 с.
44. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
45. Lipset S.M. *Political Man: The Social Basis of Modern Politics*. N. Y.: Doubleday, 1960.
46. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховникова, Д.А. Кибальчица. М.: Практика, 2011. 352 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: +7(8202) 55-79-23.

Guzhavina T.A.

SOCIAL CAPITAL OF THE RURAL POPULATION: ASSESSMENT OF CONDITION⁴

The article is devoted to the study of the structural characteristics of social capital of the rural population. Rural areas, still being a source of material and human resources, are greatly affected by the economic crisis. Examples from modern life demonstrate that traditional values and the villagers' way of life is being destroyed. This leads to the weakening of social capital of rural residents, reduces the opportunities for realizing their human potential, does not contribute to the population's self-organization. The research object is the population of the region living in rural areas, the subject – their accumulated social capital. The methodological framework of the study of the condition of social capital of rural areas is the concept, whose foundations were laid by Bourdieu, Coleman, and Fukuyama. The empirical framework of the study is the results of the study conducted by the researchers at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the Vologda Oblast, devoted to regional social capital. Trust and involvement in network interaction are used as indicators for analyzing the cognitive and structural component of social capital. Civil activity and locus of responsibility serve as indicators of external externalities. Analysis of the base component of social capital (trust) helps group the respondents according to the revealed level. The majority of the rural population has a narrow trust range, limited access to resources, and minimal social capital. Respondents with a wide range of trust demonstrate higher social activity, and involvement in activities of various organizations. They have more stable status positions. This group can become the support for the implementation of initiatives put forward by the population and local authorities.

Social capital, trust, open capital, closed capital, rural areas, social resources, capital conversion, solidarity, self-organization.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher at the Department for Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.

⁴ The article is prepared with the support of the Russian Foundation for Humanities grant no. 16-03-00188/16 "Regional social capital amid crisis".